

УДК 902/904

ЛОДКИ НОВОРОМАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЫ

И. Д. Русакова*Музей-заповедник «Томская Писаница»*

Новоромановская писаница имеет ряд особенностей по сравнению с другими памятниками наскального искусства реки Томи. Одна из таких особенностей – большое количество изображений лодок относительно других петроглифов памятника. В статье анализируются композиции с лодками, выявленные и уточнённые в результате расчистки плоскостей писаницы от лишайников.

Ключевые слова: Новоромановская писаница, петроглифы, лишайники, расчистка, изображения лодок

THE BOATS OF NOVOROMANOV ROCK ART SITE

I. D. Rusakova*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"*

The Novoromanovo rock art site has a number of peculiar features outstanding among other rock art sites of the Tom river. One of the peculiarities is the large number of boat images relative to other petroglyphs on the site. The paper analyzes the compositions with boats identified and refined as a result of clearing off the lichens.

Keywords: the Novoromanovo rock art site, petroglyphs, lichens, clearing, boat images

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 20-49-420003 p_a

«Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность»

Введение

Новоромановская писаница имеет ряд особенностей по сравнению с другими памятниками наскального искусства Томи. Среди них: локализация основной группы петроглифов на наклонных выходах скальной породы, расположенных на незначительной высоте на берегу, у уреза воды; наличие пласта изображений, в хронологическом отношении самого позднего на Томи и характерного только для этого памятника; самое большое количество изображений медведей на писаницах Притомья; наличие сюжетов и образов, уникальных для томских писаниц (змея, кошачий); самое большое количество изображений лодок относительно других петроглифов памятника и в целом самое большое количество изображений лодок на Томи.

Значительное процентное соотношение лодок и других петроглифов писаницы

отмечали ещё первые исследователи памятника. По их сведениям, «лодки составляют третью часть всех рисунков» [Окладников, Мартынов, 1972, с. 229]. В настоящее время, когда проведена расчистка плоскостей Новоромановской писаницы от лишайников, в связи с чем были внесены существенные корректировки в существующую ранее общую картину памятника, мы можем говорить о том, что изображения лодок в количественном отношении составляют примерно восьмую часть, или около 13 %. К сожалению, о количестве рисунков применительно к Новоромановской писанице можно говорить лишь приблизительно из-за существенного объёма повреждений, которым подвергались и подвергаются скальные плоскости на протяжении всего своего существования. Причины столь серьёзных повреждений уже приводились ранее [Ков-

тун, Русакова, Мухарева, 2011, с. 140; Русакова, 2018, с. 39, 40]. В результате значительная часть рисунков дошла до нас лишь во фрагментах, по которым часто трудно судить о том, что же первоначально было изображено древним художником.

Тем не менее, количество определяемых на сегодняшний день изображений лодок на памятнике весьма значительное. Они находятся как на наклонных скальных выходах на берегу, так и на вертикальных плоскостях, расположенных на различной высоте над уровнем воды.

Описание изображений

Практически все изображения лодок входят в состав различных композиций (рис. 1–5). Исключение составляет лодка, обнаруженная на небольшом скальном выходе в 2011 г. в ходе раскопок местонахождения Долгая I, расположенного над основным комплексом петроглифов писаницы [Ковтун, Марочкин, 2013, табл. 1]. Лодка представляет собой прямую горизонтальную линию, перпендикулярно которой выбито пятнадцать «столбиков»-«пассажи-ров». Справа и чуть выше лодки выбито изображение, напоминающее голову лося. По его расположению можно допустить, что голова изображена на носу лодки. Линий эскиза «шеи» обнаружить не удалось: поверхность очень неровная, сплошь покрытая складками и трещинами (рис. 1: 1; 6: 1).

На плоскости II.3 зафиксирован рисунок лодки с шестью гребцами, нос (?) которой представляет собой изогнутую линию, обращённую выпуклым концом вверх. Лодка выбита над двумя фигурами лосей, развёрнутых головами в противоположные стороны (рис. 1: 2; 6: 2). В нижнем левом углу нанесено изображение животного на двух ногах (одной передней и одной задней), с выгнутой спиной и поднятым вверх хвостом. На округлой голове в технике гравировки показаны два небольших уха в виде буквы «V». По всем признакам это фигура кошачьего, аналогов которой нет больше среди петроглифов Томи.

Рисунок лодки на плоскости II.3 был опубликован А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым как рисунок 1 [Окладников, Мартынов, 1972, с. 128, 1] (рис. 7: 1).

Изображение лодки с крупной головой животного на носу находится на плоскости II.4, так же, как и на предыдущей плоскости, в верхней части композиции, над двумя развёрнутыми в противоположные стороны фигурами лосей (рис. 1: 3; 6: 3). Слева сверху на плоскости выбито изображение неопределённого животного (медведя?); рядом с верхней фигурой лося, соприкасаясь с ней головой, находится ещё одна фигура лося (?), сохранившаяся фрагментарно: голова и часть линии спины (рис. 1: 3).

У А. П. Окладникова и А. И. Мартынова лодка с плоскости II.4 опубликована под № 5 [Там же, с. 128, 5] (рис. 7: 5).

По крайней мере две лодки присутствуют на плоскости II.9. Крупное изображение лодки с головой лося на носу и с шестью сохранившимися гребцами находится в верхней части композиции (рис. 1: 4; 6: 4). Под этой лодкой выбито две фигуры лося одна под другой, направленные головами вправо. Перед нижней фигурой лося находится ещё одна подобная фигура, также головой вправо. Над ней – лось, направленный влево. Голову этой фигуры перекрывает глубоко выбитый солярный знак.

Второе изображение, которое можно определить как лодку, находится в левой части композиции, позади фигур лосей. Оно представляет собой линию с загнутыми вверх носом и кормой и пятью (?) гребцами (рис. 1: 4; 6: 5). На плоскости присутствуют остатки выбивки, которую сложно идентифицировать из-за значительного объёма повреждений.

Лодка с головой лося на носу с плоскости II.9 опубликована у А. П. Окладникова и А. И. Мартынова под № 8 [Там же, с. 128, 8]. Лодка, показанная в монографии в верхней левой части этой же композиции, по видимому, в ходе прорисовывания была перемещена авторами со среднего левого фрагмента плоскости наверх (рис. 1: 4; 7: 8).

Две лодки изображены на плоскости II.10. Одна из лодок (с пятью гребцами) находится на корпусе нанесённого контуром крупного лося в центре композиции (рис. 2: 1; 6: 6); другая лодка расположена в нижней части плоскости, над фигурой

другого лося (?), меньшего по размеру. На лодке «читаются» восемь гребцов, изображённых в виде вертикальных столбиков. Ещё одна фигура гребца имеет антропоморфный облик. Нос (?) лодки, возможно, завершается головой животного (рис. 2: 1; 6: 7). На плоскости присутствуют также три

антропоморфных персонажа, один из которых – женский, а также личина, уникальные для писаниц Томи изображения змей и неопределённые животные (рис. 2: 1).

В публикации А.П.Окладникова и А.И.Мартынова лодки с плоскости П.10 отсутствуют.

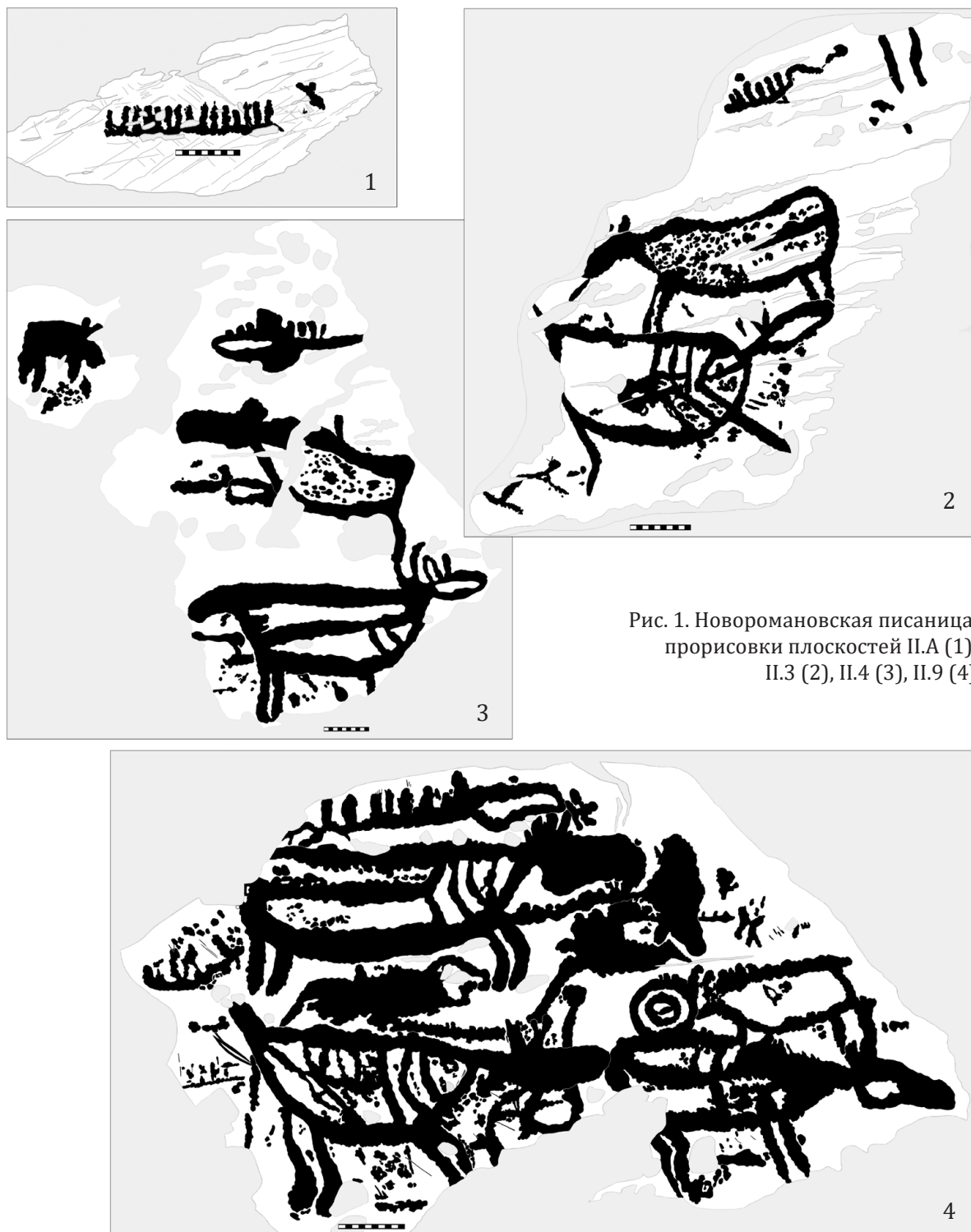

Рис. 1. Новоромановская писаница, прорисовки плоскостей П.А (1), П.3 (2), П.4 (3), П.9 (4)

В многофигурной композиции на плоскости П.15 насчитывается более 30 изображений: лоси (один из которых на задних ногах), антропоморфные персонажи (в том

числе два с лучами над головой), птицы, солярный и другие знаки, лестница (?), неопределённые животные (рис. 3). Среди рисунков можно идентифицировать две

Рис. 2. Новоромановская писаница, прорисовки плоскостей П.10 (1) и П.17 (2)

Рис. 3. Новоромановская писаница, прорисовка плоскости П.15 (1) и её фрагменты (2; 3)

лодки, одна из которых находится в средней части композиции и представляет собой широкую горизонтальную линию с сохранившимися семью гребцами (рис. 3: 1, 3; 6: 8).

Ещё одну лодку можно «вычленить» из переплетения линий в левой части композиции (рис. 3: 1, 2; 6: 9). Скорее всего, эти же линии посчитали лодкой и А. П. Окладников и А. И. Мартынов [Там же, с. 128, 14] (рис. 7: 14). Выше, возможно, одна над другой, были выбиты ещё две лодки, но об этом нельзя сказать с уверенностью (рис. 3: 2).

В целом, на плоскости II.15 много фрагментов нечитаемых изображений, среди которых А. П. Окладников и А. И. Мартынов сочли возможным выделить ещё два рисунка лодок: между лосем и медведеподобной антропоморфной фигурой [Там же, с. 131; 133, 22] (рис. 7: 22) и в левой верхней части плоскости, рядом с крупными фигурами медведя и лося [Там же, с. 132; 135, 26] (рис. 7: 26). По всей вероятности, на этой же плоскости А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым было выделено ещё одно изображение лодки, под № 31 [Там же, с. 132; 135, 31] (рис. 7: 31). Нам эту лодку найти не удалось.

Пять лодок можно насчитать на плоскости II.17 (рис. 2: 2). Оригинальная лодка (1) представлена в левой части композиции. Она имеет загнутую вверх корму или сидящего гребца (точнее сложно сказать из-за утраты левого края лодки) и нос в виде головы животного, возможно, лося. Два пассажира лодки – антропоморфные персонажи в рогатых головных уборах – показаны в танце или каком-то другом действии: ноги их согнуты, одна рука у обоих отведена назад, другая – приподнята и согнута в локте. Между ними изображён предмет, представляющий собой широкую вертикальную линию, вырастающую из лодки и раздваивающуюся в верхней части (рис. 2: 2; 6: 10).

Лодка расположена в районе задних ног лося, раскинутых в беге. Верхняя часть корпуса этого изображения утрачена; сохранились также передние ноги, линия шеи и нижняя часть головы животного. Перед

лодкой выбито ещё одно изображение лося (рис. 2: 2).

Вторая лодка (2) располагается в нижней части композиции. Она представляет собой изогнутую линию, от которой вверх отходят короткие отрезки. Через их вершины выбита ещё одна линия, изогнутая в меньшей степени, чем первая. Таким образом, создается впечатление, что перед нами каркас лодки с высокой носовой частью (рис. 2: 2; 6: 11).

Две лодки (3, 4), изображённые одна за другой, находятся в средней части композиции. Они представляют собой слегка изогнутые горизонтальные линии с короткими «столбиками». Оба изображения перекрываются фигурами лосей (рис. 2: 2; 6: 12, 13). В верхней части плоскости, возможно, сохранился фрагмент изображения лодки (5) с утраченной правой частью, с поднятым вверх носом с головой птицы (?) (рис. 2: 2; 6: 14).

Кроме описанных рисунков, на плоскости II.17 присутствуют фигуры медведя (?), лосей (один из них – на задних ногах и с «лучами» над головой), лыжника, неопределённых животных, знаков (рис. 2: 2).

Одна из лодок с плоскости II.17 опубликована у А. П. Окладникова и А. И. Мартынова в композиции под № 34, ещё две – в композиции под № 36 [Там же, с. 138, 34, 36] (рис. 7: 34, 36).

Четыре (?) лодки изображено на плоскости II.24: три из них – в левой части плоскости (рис. 4: 1; 6: 15–17). Одна из лодок (3) показана широкой полосой с короткими столбиками-гребцами; правая её часть перекрыта крупным изображением лося (рис. 4: 1; 6: 17). Другая лодка (4) одним своим концом соприкасается с передними ногами того же изображения лося (рис. 4: 1). На ней над короткими столбиками-гребцами возвышается крупная антропоморфная фигура в рогатом головном уборе (?) с согнутыми в локтях и поднятыми вверх руками. У бедра антропоморфного персонажа изображён знак, напоминающий рогатину с перекладиной (рис. 4: 1; 6: 18). На плоскости присутствуют ещё два изображения лосей и остатки неопределённой выбивки (рис. 4: 1).

У А.П. Окладникова и А.И. Мартынова с плоскости II.24 опубликованы три лодки под № 35 и 36 [Там же, с. 138, 35, 36] (рис. 7: 35, 36). Возможно, на этой же плоскости авторы обнаружили ещё одну лодку, но, к сожалению, из описания непонятно, где конкретно она находится [Там же, с. 134; 139, 37] (рис. 7: 37).

На плоскости II.26 в верхней части зафиксировано изображение лодки с двенадцатью сохранившимися гребцами. Нос и корма лодки уходят под сколы. На носу сохранился фрагмент головы животного (?) (рис. 4: 2; 6: 19). Лодка перекрывается изображением медведя, стоящего на задних лапах. Ниже медведя выбит лось, а в пра-

Рис. 4. Новоромановская писаница, прорисовки плоскостей II.24 (1); II.26 (2) и IV.3 (3)

вой нижней части плоскости – антропоморфный персонаж на одной ноге, с поднятыми вверх руками и в рогатом головном уборе (рис. 4: 2).

У А. П. Окладникова и А. И. Мартынова лодка с плоскости II.26 опубликована под № 42 [Там же, с. 136; 139, 42].

Плоскость IV.3. Здесь выбита длинная лодка как минимум с двенадцатью гребцами и с головой лося на носу (рис. 4: 3; 6: 20). Её изображение перекрывается ногами (?) какой-то крупной фигуры животного, туловище и голова которого не сохранились. Помимо лодки, здесь представлены лось, три медведя, неопределённое копытное животное и личина. В верхней части плоскости прослеживаются остатки неопределённой выбивки (рис. 4: 3).

В публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова этой плоскости нет. По версии авторов, рисунок лодки присутствует на плоскости IV.2 [Там же, с. 140, 48; 142] (рис. 7: 48). Нами на этой плоскости такого рисунка не обнаружено.

На вертикально расположенных плоскостях выше по течению Томи также зафиксировано несколько изображений лодок.

Плоскость VI.6: три лодки, которые перекрываются фигурой лося (рис. 5: 1; 6: 21, 22, 24). На одной из лодок наряду с девятью короткими столбиками-гребцами показан неопределённый предмет, представляющий собой подпрямоугольную вертикально расположенную фигуру с «хвостиком» (короткой изогнутой линией) в верхней части (рис. 5: 1; 6: 24). У А. П. Окладникова и А. И. Мартынова лодки с плоскости VI.6 опубликованы под № 53 [Там же, с. 141, 53; 143] (рис. 7: 53).

На плоскости VI.8, от которой сохранился лишь небольшой фрагмент, определяются два изображения лодок. Верхняя лодка представляет собой горизонтальную линию с сохранившимися двенадцатью гребцами-столбиками, корма и нос лодки утрачены.

Нижняя лодка имеет загнутую вверх корму (или нос?), на ней изображено восемь гребцов в виде коротких вертикальных линий, а также, вероятно, антропоморфные фигуры, которые в настоящее время имеют очень нечёткие очертания. Правый край лодки перекрыт остатками неопределяемой выбивки; возможно, это фрагмент корпуса какого-то животного (рис. 5: 2; 6: 23, 25).

Одна из лодок с плоскости VI.8 опубликована у А. П. Окладникова и А. И. Мартынова под № 52 [Там же, с. 141, 52; 142] (рис. 7: 52). В целом, в монографии 1972 г. фигурируют 19 изображений лодок (рис. 7), шесть из которых нам найти не удалось.

В статье мы рассматриваем только те изображения, которые с большой долей уверенности можно интерпретировать как лодки. Очевидно, что таких изображений было существенно больше. Некоторые из них сохранились лишь в небольших фрагментах из-за естественных повреждений скальной поверхности, некоторые позднее были перекрыты другими изображениями, и вычленив их из общего скопления линий представляется крайне проблематичным. Но и имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать ряд выводов об использовании лодки и особенностях её изображения населением, жившим в древности в непо-

Рис. 5. Новоромановская писаница, прорисовки плоскостей VI.6 (1) и VI.8 (2)

средственной близости от Новоромановской писаницы.

Анализ материалов

Всего зафиксировано 25 изображений лодок на двенадцати плоскостях памятника. Практически все лодки, за исключением одиночного изображения на плоскости II.A (рис. 1: 1), и фрагмента плоскости VI.8, значительная часть которой, по-види-

мому, утрачена (рис. 5: 2), находятся в композициях с изображениями животных. Большая часть из них – в композициях с присутствием лося. Как видно из таблицы I, преобладающим мотивом является расположение лодки над фигурой лося (11 лодок из 25) (рис. 1: 2, 3, 4; 2: 1; 3: 1, 2; 4: 1, 2, 3). В пяти случаях лодки располагаются позади фигуры лося или перед ней

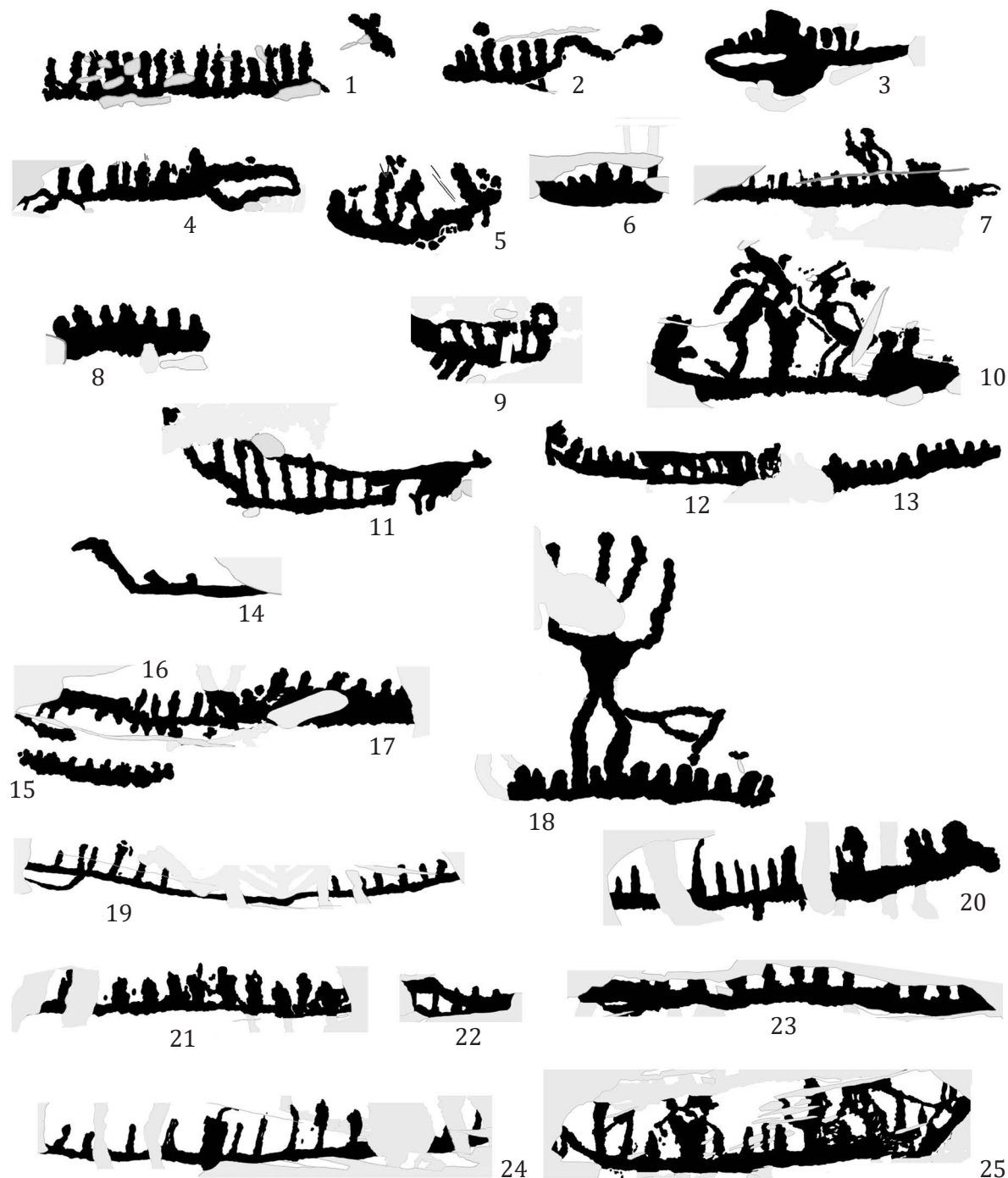

Рис. 6. Новоромановская писаница, изображения лодок

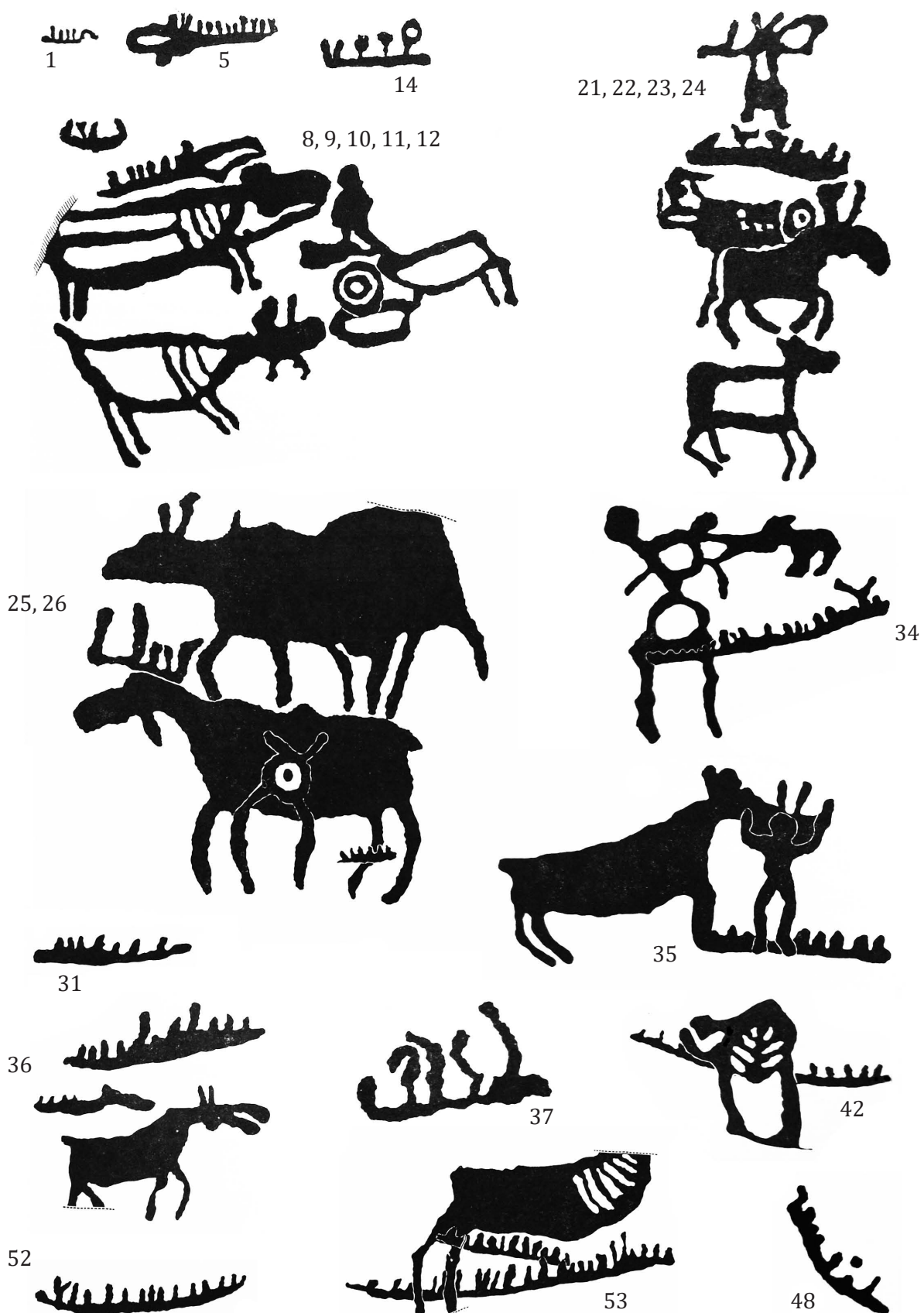

Рис. 7. Изображения лодок по А. П. Окладникову и А. И. Мартынову. Сохранена авторская нумерация рисунков

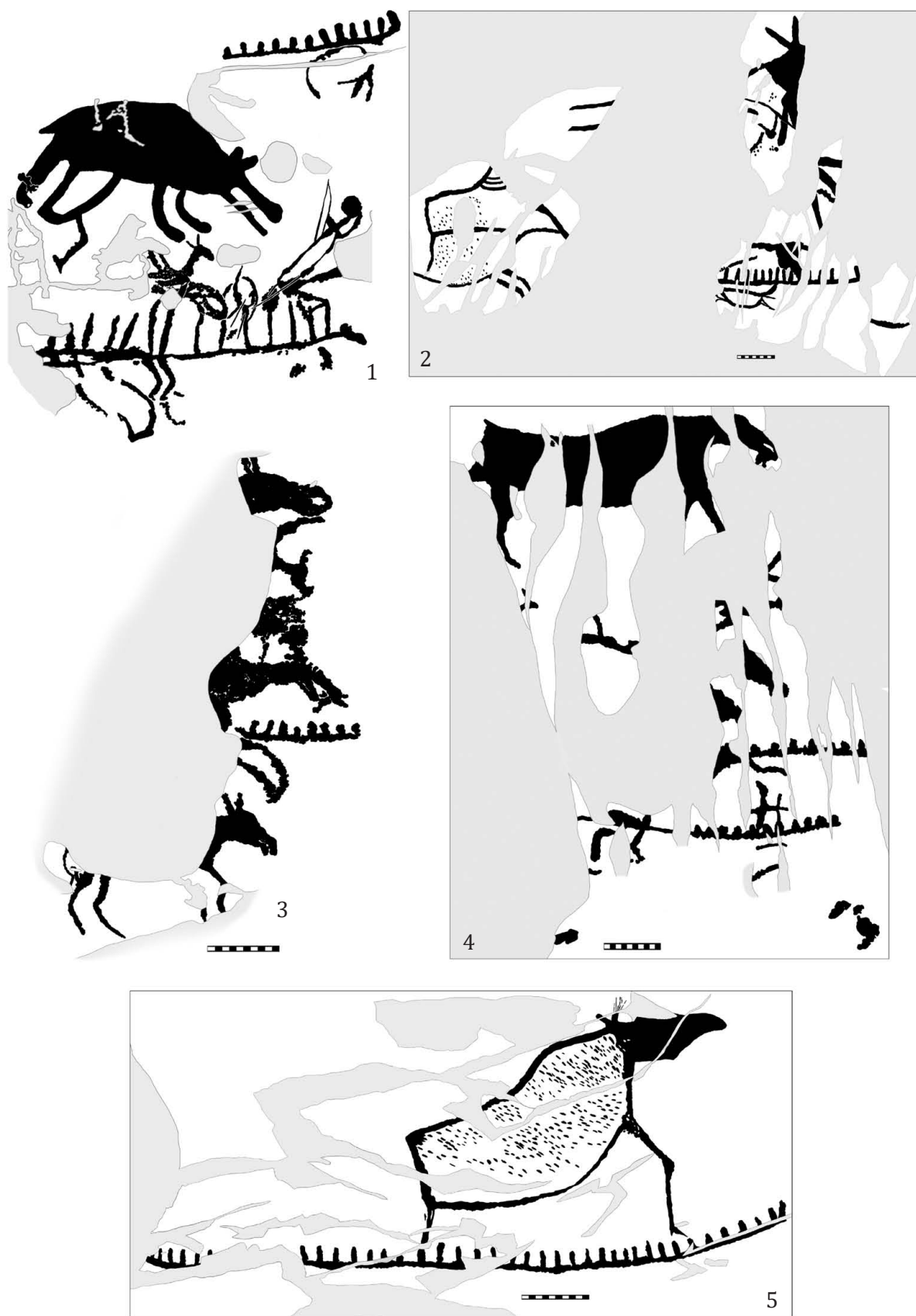

Рис. 8. Изображения лодок на писаницах Притомья: 1, 2 – Томская писаница; 3 – Вторая Новоромановская писаница; 4 – Никольская писаница; 5 – Крутая II

(рис. 1: 4; 2: 2; 4: 1), в трёх – под фигурой лося (рис. 2: 2; 5: 1). В одном случае лодка расположена внутри контура туловища лося (рис. 2: 1). На многофигурной плоскости II.15 одна из лодок находится слева от изображения водоплавающей птицы (рис. 3: 3). На двух плоскостях – II.26 и IV.3 –

в композициях, наряду с лосями, присутствуют медведи (рис. 4: 2, 3). На плоскости IV.3 в композиции с лодкой, лосем и медведями находится неоконтуренная личина (рис. 4: 3). У семи лодок из 25 можно предположить наличие на носу головы лося (рис. 6: 1, 3, 4, 7, 10, 19, 20).

Табл. I. Изображения лодок и их расположение в композициях

ПЛОСКОСТЬ	Изображения лодок										
	количество	вне композиций	над лосем	рядом с лосем	под лосем	на корпусе лося	рядом с водоплавающей птицей	над животным (?)	в композиции присутствует медведь	с головой лося на носу	сантропоморфными персонажами
II.A	1	+								+	(?)
II.3	1		+								
II.4	1		+							+	
II.9	2		+	+						+	
II.10	2		+			+				+	(?)
II.15	2		+				+				
II.17	5		+	++	++					+	+
II.24	4		+++	+							+
II.26	1		+						+	+	(?)
IV.3	1		+						+	+	
VI.6	3			+	+						
VI.8	2							++			+
	25	1	11	5	3	1	1	2	2	7	4

На писаницах Притомья, помимо Новоромановской, изображения лодок известны на Томской, Второй Новоромановской, Никольской писаницах и на Крутой II (рис. 8). На Томской писанице две лодки находятся на плоскости 3 основного местонахождения (гр. II, рис. 8: 1). Одно изображение лодки, верхнее, представляет собой слегка изогнутую с правого края линию с двенадцатью короткими вертикальными линиями-гребцами. Вторая лодка имеет нос в виде головы лося; линии гребцов длиннее, чем у первой лодки. Их насчитывается 14. Левый край лодки утрачен. Один из гребцов показан в виде вертикального отрезка с округлым пятном-головой (?). Слева от него гребец представлен в виде вертикальной линии, от верхней части которой отходят две дуги, образующие не-

замкнутый овал (рис. 8: 1). Хотя, возможно, эти линии принадлежат какому-то другому изображению, не сохранившемуся до наших дней: на данном участке плоскости прослеживаются остатки сильно затёртой или выветренной выбивки, а также фрагменты нескольких фигур, перекрывающих друг друга. В своей средней части лодка перекрывает остатки фигуры человека, от которой сохранились согнутые в коленях ноги и туловище, контуры которого при нанесении лодки могли быть использованы для фигур гребцов. Голова и руки антропоморфного персонажа не сохранились, видимо, они перекрыты головой лося и передней частью туловища какого-то копытного животного. В правой части лодку перекрывает изображение лучника (рис. 8: 1).

В 2008 г. на высоко расположенных вертикальных скальных выходах группы I Томской писаницы А. Пьянзиным было обнаружено несколько фрагментов сильно разрушенной плоскости с петроглифами, среди которых присутствует лодка с сохранившимися тринадцатью или четырнадцатью гребцами. Над изображением лодки сохранился фрагмент крупной фигуры животного, по всей вероятности, лося (рис. 8: 2). Слева от лодки определяется корпус ещё одного животного с орнаментированной дугообразными линиями шеей (?). Остальные линии сложно как-то идентифицировать. Плоскость требует дополнительного исследования с помощью альпинистского снаряжения и фронтальной фотофиксации, в результате которой имеющаяся прорисовка может быть скорректирована по мелким деталям.

В 2015 г. у устья р. Писаной, также на скальных выходах, расположенных на большой высоте и недоступных, обнаружены ещё 4 новые плоскости с выбитыми изображениями лосей, антропоморфных фигур и лодки, сильно разрушенными вследствие естественных деструктивных процессов [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, с. 31].

Таким образом, на Томской писанице на сегодняшний день известно четыре изображения лодок. Лодки на плоскости 7 основного местонахождения («верхний фриз»), опубликованной А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [Окладников, Мартынов, 1972, с. 73, 113–115], как показали современные исследования, на самом деле не существует [Миклашевич, 2011, с. 130, рис. 2, 1, 2].

На Второй Новоромановской писанице также известно одно изображение лодки [Русакова, Барина, 1997, с. 64; рис. 4, Б]. Оно представлено прямой линией со слегка загнутым сверху левым концом, восемь гребцов показаны в виде коротких столбиков. В композиции с лодкой присутствуют изображения лосей, сохранившиеся фрагментарно (рис. 8: 3).

На Никольской писанице в 1993 г. на сильно разрушенной плоскости было зафиксировано два изображения лодок [Там же, с. 65; рис. 9, Б]. Они представляют со-

бой слабо изогнутые линии с короткими и широкими столбиками-гребцами. Оба изображения сохранились не полностью. На верхней лодке «читаются» семь гребцов, на нижней – одиннадцать. На последней изображена также антропоморфная фигура в высоком остроконечном головном уборе и с посохом (?) в руке. Над лодками выбита крупная фигура шагающего лося (рис. 8: 4).

Ещё одна лодка присутствует в композиции с крупной фигурой лося на местонахождении Крутая II [Ковтун, Русакова, 2009, рис. 2]. Лодка – очень длинная, показана с помощью слегка изогнутой линии с короткими «столбиками», которых в настоящее время насчитывается 36. Несомненно, их было значительно больше: левый край лодки утрачен, а также отслоилась скальная корка в левой и средней её частях (рис. 8: 5).

Всего на указанных писаницах – Томской, Второй Новоромановской, Никольской и Крутой II – в настоящее время известно восемь изображений лодок. Все они, как и большинство лодок Новоромановской писаницы, композиционно связаны с изображениями лосей.

Среди памятников самого близкого нижнетомскому ареала наскального искусства, изображения лодок известны, например, на Шалаболинской писанице [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 15; 28; 29; 49; 55; 58; 70; 83; 84; 90; 97; 104; 121; табл. 8; 9, 8–12; Заика, Зоткина, 2018, рис. 2], на местонахождениях Оглахты I [Sher et al., 1994, 4.4; 44.3; 47.2; 48.1; 50.7; 87.1; 92.1; 95.8], Черёмушный Лог [Sher, 1999, 24.15; 24.49; 24.51], Тепсей I [Blelnova et al., 1995, 6.1], Усть-Туба III [Там же, 1.5; 3.3; 3.4; 3а.2; 3а.3; 72.3;], Усть-Туба IV [Там же, 2.1], Майдашинская писаница [Миклашевич, 2015, рис. 4: 1; Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, рис. 5: 1, 2].

Хронологическую принадлежность изображений лодок определить достаточно сложно. Сами по себе в большинстве своём они не имеют выраженных датирующих признаков. Чаще всего судить о времени их нанесения можно по изображениям, составляющим с ними единую композицию, и по палимпсестам. На памятниках наскаль-

ного искусства Среднего Енисея изображения лодок присутствуют в композициях, включающих фигуры лосей, оленей, медведей, быков, кабанов, антропоморфных существ, в том числе в рогатых головных уборах. Рисунки животных в таких композициях в основном относятся к ранним хронологическим горизонтам. Так, например, на Майдашинской писанице на обнаруженных недавно плоскостях с петроглифами фигуры животных, выполненные в «минусинском» стиле, сопровождают изображения более десятка лодок с «пассажирами» [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, с. 34; рис. 5: 1, 2]. Значительная часть лодок находится в композициях с животными, выполненными в ангарской изобразительной традиции [см., например, Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 28; 29; 58; 70; 83; 90; 104; Заика, Зоткина, 2018, рис. 2]. В связи с этим исследователи датируют большинство изображений лодок эпохами неолита – ранней бронзы [Шер, 1980, с. 187; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 123; Кубарев, 2011, с. 60].

На Томской, Второй Новоромановской, Никольской писаницах и на Крутой II лодки также сочетаются с фигурами лосей, близкими к ангарской традиции, поэтому они могут быть отнесены к эпохе бронзы.

В отношении Новоромановской писаницы не всё так однозначно. На этом памятнике обобщённо можно говорить о двух основных хронологических группах петроглифов, значительно отличающихся друг от друга. Ранняя группа относится к эпохе бронзы [Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010, с. 89–93; Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011, с. 147]. Более поздняя группа была отнесена исследователями к кулайской культуре [Мартынов, Ломтева, 1993, с. 196–201]. До недавнего времени эта датировка казалась недостаточно обоснованной из-за отсутствия на прилегающих территориях памятников кулайской культуры. В настоящее время, после открытия кулайского культового комплекса на поселении Ивановка I [Панкратова, Марочкин, Юракова, 2014, с. 112, 113], по всей видимости, стоит вернуться к возможности датировки позднего комплекса петроглифов Новоромановской писаницы кулайским временем,

о чём уже было сказано [Ковтун, 2014, с. 80]. Эти рисунки имеют ярко выраженные стилистические и иконографические особенности, позволяющие без труда выделять их среди других петроглифов.

Обе группы – рисунки эпохи бронзы и рисунки кулайского времени – внутри также стилистически неоднородны, но это тема отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Ряд изображений мы можем достаточно уверенно отнести к одному из указанных хронологических пластов. Кулайским временем можно датировать изображения лодок, композиционно связанных с фигурами лосей на плоскостях II.4 и II.9 (рис. 1: 3, 4; 6: 3, 4). При этом лодка на плоскости II.4 и верхняя лодка на плоскости II.9 на носу имеют лосиные головы, аналогичные по стилю головам животных, изображённых ниже. Для отнесения второй лодки с плоскости II.9 (рис. 1: 4; 6: 5) к данной хронологической группе, несмотря на то, что практически все окружающие её изображения, видимо, были нанесены в кулайское время, всё же нет достаточных оснований.

Палимпсесты и композиционная связь с другими изображениями позволяют ряд лодок связать с ранней группой рисунков.

- На плоскости II.3 лодка и фигура кошачьего (?) выполнены более мелкой выбивкой, чем фигуры лосей. Возможно, они были нанесены на скалу в одно время, более раннее, чем лоси (рис. 1: 2). При этом изображение лодки позже могло быть включено в композицию с лосями.

- На плоскости II.15 присутствуют ранние изображения, выполненные в эпоху бронзы, и более поздние – кулайские. Можно предположить, что изображение лодки в левой части композиции относится к раннему пласту петроглифов памятника, оно находится над фигурой лося, близкого по стилю к ангарской изобразительной традиции (рис. 3: 2). Вторую лодку соотносить с каким-либо хронологическим периодом не представляется возможным (рис. 3: 3).

- На плоскости II.17 (рис. 2: 2) также имеются как минимум два хронологических пласта рисунков. К раннему пласту относятся: фигура лося в центре компози-

ции; ещё одна фигура лося, раскинувшего ноги в беге, в левой части (она сохранилась не полностью: почти всё туловище и верхняя часть головы утрачены); изображения лося на задних ногах и лыжника, голова которого перекрывается более поздним изображением лося.

Изображение лодки 1 с антропоморфными существами в рогатых головных уборах, показанными в момент какого-то действия, по-видимому, относится к ранней группе петроглифов писаницы (рис. 2: 2; 6: 10). Вероятно, первоначально изображение лодки 1 было связано с изображением лося, расположенного над ней. Позже была выбита другая фигура лося справа от лодки, по стилистическим признакам более близкая к кулайской группе петроглифов (рис. 2: 2). Можно допустить, что изображение лодки, выполненное в эпоху бронзы, могло быть использовано населением раннего железного века для иллюстрации каких-то своих мифологических сюжетов.

Лодка 3 в средней части композиции перекрывается фигурой лося ранней группы. Соответственно, её мы тоже можем отнести к ранней группе. Говорить о хронологической принадлежности лодок 2, 4 и 5 сложно. Лодки 2 и 4 перекрываются фигурой лося, относящегося к поздней хронологической группе, лодку 5 трудно привязать к какому-либо изображению (рис. 2: 2).

- На плоскости II.24 также присутствуют изображения ранней и поздней групп петроглифов. Две более мелких фигуры шагающих лосей относятся к ранней группе; крупная фигура лося в статичной позе в центре композиции – к поздней. Лодки 1–3 находятся над ранней фигурой лося, возможно, связаны с ней композиционно, при этом рисунок лодки 3 перекрывается фигурой лося поздней группы. Лодка 4, по всей видимости, была нанесена позже фигуры раннего лося, так как видно, что линия её основания как бы огибает контур головы этого лося и перекрывает его уши (рис. 4: 1). Но насколько позже это было сделано, определить сегодня невозможно. Сложно также установить, в одно ли время с лодкой была выбита крупная антропоморфная фигура в рогатом головном убо-

ре и с руками, поднятыми для адорации (?). Изображение этой лодки вполне могло использоваться населением как эпохи бронзы, так и кулайского времени.

- На плоскости II.26 лодка перекрывается фигурой медведя, которая, как и фигура лося, относится к поздней группе петроглифов писаницы. Скорее всего, изображение лодки было нанесено одновременно с антропоморфной рогатой фигурой, которая была выявлена после расчистки плоскости от лишайников и по всем признакам относится к эпохе бронзы (рис. 4: 2). Здесь мы также можем предполагать использование более древнего изображения лодки населением раннего железного века.

- На плоскости IV.3 присутствует изображение неоконтуренной личины, имеющей близкие аналогии среди окуневских изображений уйбатского иконографического типа [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 16, 19, № 1, 2, 162 и др.], а также есть фигуры медведей, которые тоже, скорее всего, относятся к ранней группе петроглифов писаницы. Видно, что левая часть лодки с лосиной головой на носу выполнена такой же мелкой выбивкой, как и фигуры медведей, достаточно сильно выветрена или затёрта льдами и патинизирована. Правая её часть, вероятно, подновлялась, совпадает по цвету патины с фигурой лося, относящегося скорее к поздней группе (рис. 4: 3).

- На плоскости VI.6 крупная фигура лося ранней группы перекрывает изображения лодок, и можно говорить об их ранней датировке (рис. 5: 1).

- По расположению плоскости VI.8 на вертикальном скальном выходе, где локализуются изображения ранней хронологической группы памятника, по схожести техники выбивки, патине, степени выветренности с рисунками на плоскости VI.6 мы можем предположить, что лодки с плоскости VI.8 были нанесены в эпоху бронзы (рис. 5: 2).

К ранней хронологической группе относится и лодка с плоскости II.A (рис. 1: 1). Эта плоскость была перекрыта культурным слоем стоянки Долгая I и датируется не позднее середины II тыс. до н. э. [Ковтун, Марочкин, 2013, с. 20].

Табл. II. Хронологическая принадлежность лодок Новоромановской писаницы

Плоскость	Эпоха бронзы	Кулайское время	Время не определено	Возможное использование изображения лодки, нанесённой в эпоху бронзы, в кулайское время
II.A	+			
II.3	+ (?)			+
II.4		+		
II.9		+		
II.10			+	
II.15	+ (?)		++	
II.17	++		+	++
II.24	+++ (?)		+++	+
II.26	+ (?)		+	+
IV.3	+			+
VI.6	+++			
VI.8	++			
	15	2	8	6

Ни одну из лодок плоскости II.10 не представляется возможным отнести к какому-либо хронологическому отрезку: верхнее изображение лодки находится внутри контура лося, нанесённого в кулайское время, однако нет уверенности, что эти изображения были выполнены одновременно; нижнее изображение лодки композиционно связано с фигурой лося (?), не имеющего выраженных датирующих признаков (рис. 2: 1).

Таким образом, соотнести с какой-либо из хронологических групп можно 17 изображений лодок из 25: 15 изображений можно датировать эпохой бронзы, два – кулайским временем. Остальные изображения пока не поддаются хронологическому определению. В шести случаях можно говорить о возможности включения населением раннего железного века более древних изображений лодок в свои композиции (табл. II).

Заключение

Очевидно, что значительное количество изображений лодок на Новоромановской писанице связано с активным применением этого средства передвижения в повседневной жизни, использованием её изображения для иллюстрации мифологических сюжетов или для проведения каких-либо культовых действий.

Часть изображений лодок, по мнению исследователей, может быть интерпретирована как реально бытовавшие лодки, предназначенные для хозяйственной деятельности [Савватеев, 1983, с. 179]. Другой вариант интерпретации – также реальные лодки, используемые для проведения важных ритуалов, связанных с принесением жертв духам водных объектов и испрашиванием у них безопасности проживания и охранения от бед и несчастий [Окладников, 1971, с. 99, 100].

Часто изображения лодок связывают с представлениями древнего населения Евразии о способах доставки душ умерших людей в загробный мир, с идеей воскрешения (возрождения) [Окладников, Мартынов, 1972, с. 231, 232; Савватеев, 1983, с. 179; Заика, 2003, с. 22; Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г., 2005, с. 213–218; 2011, с. 255–257, 282 и др.]. Выступать в качестве «духов-водителей» лодок в загробный мир могли личины [Окладников, 1971, с. 100; Заика, 2003, с. 23]. На Новоромановской писанице, на плоскости IV.3 присутствие личины может служить дополнительным аргументом в пользу интерпретации изображения лодки в данной композиции как транспорта для перевозки душ умерших в мир мёртвых (рис. 4: 3).

На Новоромановской писанице и, в целом, на писаницах Томи, бросается в глаза

тесная связь изображений лодок с образом лося. Если на Среднем Енисее лодки композиционно связаны с широким набором образов животных и людей, то на Томи из 33 изображений лодок на всех писаницах 27 показаны в композициях с лосями или имеют нос в виде головы лося. Возможно, преобладание этого сюжета связано в целом с более «бедным» набором персонажей в наскальном искусстве Томи, где подавляющее большинство древних рисунков составляют лоси.

На Новоромановской писанице значительный процент от общего количества изображений лодок (7 из 25) представляют изображения с головой лося на носу. Как в своё время отметили А. П. Окладников и А. И. Мартынов, подобные рисунки весьма характерны для Северной Европы и очень редки для Сибири [1972, с. 126; 230]. Новоромановская писаница выглядит здесь исключением из правила.

Почему на носу лодок изображалась именно голова лося? Пожалуй, для петроглифов Томи по сравнению с памятниками других территорий этот вопрос вызывает меньше всего сомнений. Судя по дошедшим до нас наскальным рисункам, лось являлся главным персонажем мифотворчества племён, населявших эти края в древности. Дополнительно к доводам исследователей, находящих объяснения сочетанию образа лося и лодки в этнографических материалах [см., например: Окладников, Мартынов, 1972, с. 232–234;

Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г., 2005, с. 216, 218], хочется добавить, что на людей, несомненно, производило огромное впечатление зрелище переплывающего через реку лося. Автор настоящей статьи также была свидетелем переправы лося через Томь. Вряд ли кого-то оставит равнодушным ни с чем не сравнимая картина плывущего животного, когда даже издали чувствуется его мощь и одновременно большая грация и лёгкость, с которой он быстро движется по воде, несмотря на достаточно сильное течение. Поэтому неудивительно, что на скалах на особых ладьях-лодках «форштевень», или нос, венчает голова лося. Вероятно, она была призвана придать лодке силу, скорость и ловкость передвижения по глубоким и быстрым водам.

В целом же большое место, которое было отведено лодке в сюжетах Новоромановской писаницы, может быть связано с особым местонахождением памятника. Уникальность расположения плоскостей, удобных для нанесения рисунков, могла подвигнуть местное население на создание особого святилища, с какими-то специальными функциями, присущими только ему. Об этом говорит и специфический набор персонажей, и ярко выраженное присутствие двух разных художественных традиций, чего мы не наблюдаем на других памятниках наскального искусства Притомья, и преемственность образов на протяжении длительного времени.

Литература

- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М.: ИА РАН, 2011. 379 с.
- Заика А. Л. Лодки в страну предков (анализ сюжета в петроглифах Нижней Ангары) // История и культура Приенисейской Сибири. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 21–31.
- Заика А. Л., Зоткина Л. В. Относительная хронология шалаболинских петроглифов (результаты анализа палимпсестов на центральном участке писаницы) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 45–55.
- Ковтун И. В. Шёпот духов. (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-Принт, 2014. 171 с.
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Лодка и пятнадцать «пассажиров» // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 17–24.

Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. Кемерово, 2010. Вып. 2. С. 84–95.

Ковтун И. В., Русакова И. Д. Крутая II – новое местонахождение петроглифов в Нижнетомском очаге наскального искусства // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Материалы научной конференции. Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. С. 65–68.

Ковтун И. В., Русакова И. Д., Мухарева А. Н. Предварительные результаты расчистки от лишайников петроглифов Новоромановской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Том 1. С. 140–148. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII).

Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. 444 с.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 236 с.

Мартынов А. И., Ломтева А. А. О хронологической и культурной принадлежности Новоромановских петроглифов // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: КемГУ, 1993. С. 192–202.

Миклашевич Е. А. Документирование повреждений петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Том 1. С. 128–138. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII).

Миклашевич Е. А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 66–78.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 г. // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. Вып. 3. С. 30–48.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 343 с.

Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 296 с.

Панкратова Л. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Культурный комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 108–115.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского университета. 1985. 192 с.

Русакова И. Д. Новоромановская писаница: десять лет после расчистки от лишайников // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 36–44.

Русакова И. Д., Баринаева Е. С. Новые петроглифы на Томи // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997. Вып. 2. С. 64–77.

Савватеев Ю. А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1983. 216 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Boccard, 1995. 246 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 2: Sibérie du Sud 2).

Sher J., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Boccard, 1994. 156 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 1: Sibérie du Sud 1).

Sher J. Sibérie du Sud 4: Cheremushny Log // Sher J., Savinov D., Legtchilo N., Sher M. Cheremushny Log, Ust'-Kulog; Steles de Khakassie. Paris: Diffusion de Boccard, 1999. 128 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 4: Sibérie du Sud 2).